

9

На правах рукописи

Горбачевский Чеслав Антонович

**Категория свободы в творчестве Ф.М. Достоевского
и ее интерпретация в русской религиозно-философской
критике рубежа XIX–XX веков**

Специальность 10. 01. 01 – русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Магнитогорск
2005

Диссертация выполнена на кафедре истории русской литературы и фольклора
Челябинского государственного университета

- Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Михнюкевич Вячеслав Александрович
- Официальные оппоненты: доктор филологических наук, доктор фило-
софских наук, профессор Слободняк Сергей
Леонович
- кандидат филологических наук, доцент
Поджапаева Ирина Александровна
- Ведущая организация: Башкирский государственный педагогичес-
кий университет

Защита состоится 16 ноября 2005 г. в 10 часов на заседании диссертацион-
ного совета К 212.112.02 по присуждению ученой степени кандидата филоло-
гических наук в Магнитогорском государственном университете по адресу:
455043 г. Магнитогорск, пр. Ленина, 114, ауд. № 211.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Магнитогорско-
го государственного университета.

Автореферат разослан 15 октября 2005 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
профессор

М.М. Полехина

Общая характеристика работы

Актуальность предпринятого исследования определяется современным состоянием достоевсковедения в целом: появилась настоятельная необходимость в использовании опыта русской литературно-философской критики рубежа XIX–XX вв., представители которой значительное место в своих исследованиях уделяли антропологии и в ее рамках – проблеме свободы. В нашей работе основное внимание акцентируется на свободе в ее христианском истолковании. Данный подход представляется перспективным, поскольку помогает осмыслить важнейшие творческие параметры художественного мира писателя. Решение проблемы свободы у Достоевского и ее рецепции может стать своеобразным ключом к пониманию философско-художественного содержания текстов Достоевского.

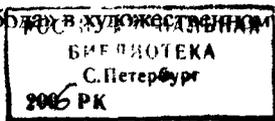
Объект исследования: художественные произведения Достоевского (повести «Записки из подполья», «Кроткая»; романы «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток». «Братья Карамазовы»; рассказ «Сон смешного человека»); статьи о самоубийстве в «Дневнике писателя» («Два самоубийства», «Приговор»); тексты литературно-философских критиков рубежа XIX–XX вв., интерпретирующих различные аспекты свободы в художественных произведениях Достоевского.

Предмет исследования: проблема христианской свободы в творчестве Достоевского и ее интерпретация русской литературно-философской критикой рубежа XIX–XX вв.

Цель исследования: определить значение категории свободы в художественном мире Достоевского, ее оценку и интерпретации в творчестве представителей русского «духовного ренессанса» рубежа XIX–XX вв.

Цель определяет задачи работы:

- выявить смысловое наполнение понятия «свобода» в творчестве Достоевского;
- рассмотреть типологию характеров в произведениях писателя в рамках негативной и позитивной свободы;
- проанализировать проблему характера в аспекте христианской свободы и определить роль этой проблемы в формировании философско-художественного смысла произведений писателя;
- рассмотреть эволюцию концепта «свобода» в художественном мире Достоевского в целом;

– акцентировать внимание на основных аспектах интерпретаций проблемы свободы в произведениях Достоевского, характерных для представителей литературно-философской критики рубежа XIX–XX вв. (В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, В.В. Зеньковского, Д.С. Мережковского, В.В. Розанова, Н.О. Лосского, Вяч.И. Иванова, Б.П. Вышеславцева, А.З. Штейнберга и др.).

Методология исследования. Одной из методологических посылок исследования стало понимание художественного мира писателя как системы и понятия свободы в этой системе как основной содержательной категории, определяющей художественные построения Достоевского. Наряду с типологическим и сравнительно-типологическим методами при решении частных вопросов использовались общие положения, связанные с методическими приемами целостного анализа и интерпретации литературного произведения. В методологическом плане для нашей работы близки труды А.Л. Бема, М.М. Бахтина, Д.С. Лихачева, Г. Померанца, С.С. Аверинцева, О.Н. Осмоловского и др.

Новизна исследования. Научную новизну исследования определяет системное изучение проблемы свободы в творчестве Достоевского, соотношенное с этико-философскими представлениями интерпретаторов его творчества рубежа XIX–XX вв.

Практическое значение работы. Материалы диссертации могут быть использованы при чтении лекционных курсов по истории русской литературы и философии, а также в спецкурсах и спецсеминарах по творчеству Достоевского и творчеству представителей русского «духовного ренессанса» рубежа XIX–XX вв.

Апробация работы. Основные положения диссертации излагались и обсуждались на международных, всероссийских и межвузовских научных конференциях в МГПИ в 1998 г., ЧелГУ в 2001 г., ЮУрГУ в 2003 и 2004 гг., ЧГПУ в 2005 г. Содержание диссертации отражено в девяти публикациях.

Структура исследования. Поставленные цели и задачи определили структуру диссертации. Она состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы, включающего 335 наименований. Общий объем работы – 192 стр.

Краткое содержание работы

Во введении обосновывается выбор темы, обозначены цели и задачи исследования, определяется актуальность и научная новизна избранной темы, ее теоретическая и практическая значимость. С учетом специфики объекта и

предмета исследования подбирается методологическая база для решения поставленных научных задач. Представлена краткая история вопроса. В поле нашего зрения попадает и теоретическое осмысление проблемы свободы в текстах интерпретаторов творчества Достоевского: В.С. Соловьёва, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского, С.Л. Франка, Г.В. Флоровского, Ф.А. Степуна, С.А. Аскольдова, Л.П. Карсавина, А.Л. Волынского, Е.Н. Трубецкого, Д.С. Мережковского, В.В. Розанова, В.В. Зеньковского, Н.О. Лосского, Вяч.И. Иванова, А.Л. Бема, Б.П. Вышеславцева, К.В. Мочульского, Л. Шестова, П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановского, А.З. Штейнберга и некоторых других

Внимание фокусируется на толковании понятия «свобода» западноевропейскими мыслителями, поэтами и писателями различных эпох (Платоном, Эпикуром, Диогеном Лаэртским, Бл. Августином, Св. Фомой Аквинским, М. Экхардтом, Я. Бёме, И.Ф. Шиллером, Ф. Баадером, Ф. Шеллингом, А. Шопенгауэром, М. Штирнером, С. Кьеркегором, Ф. Ницше, Э.Т.А. Гоффманом, Дж. Байроном), исследуется их влияние на Достоевского и русскую религиозно-философскую мысль рубежа XIX–XX вв. Не оставлена без внимания разработка проблемы свободы у Достоевского в исследованиях современных литературоведов: Е.П. Червинскене, А. Валицкого, С.С. Аверинцева, Г. Померанца, О.Н. Осмоловского, Г.Б. Курляндской, Г.К. Щенникова, А.И. Тафинцева, М.Ю. Старикова, Ю.А. Сухарева и др.

Проблема свободы становится объектом тщательного изучения в ряде статей, посвященных «небольшому эпизоду» романа «Братья Карамазовы» – «Легенде о Великом инквизиторе». «Легенда», сочиненная Иваном Карамазовым, интерпретировалась многими русскими религиозными философами рубежа XIX–XX вв. и разработана весьма основательно (достаточно назвать статьи В. Розанова, В. Соловьёва, Н. Бердяева, Д. Мережковского, Н. Лосского, С. Булгакова, С. Франка, А. Волынского, М. Туган-Барановского, П. Сорокина, К. Леонтьева, С. Аскольдова, Э. Радлова, Ф. Степуна, С. Гессена, Б. Вышеславцева, И. Лапшина) Благодаря «пристальному вниманию (именно к аспекту свободы), «Легенда» стала восприниматься как относительно проясненная часть творчества Достоевского» (Георгий (Митрофанов), протоиерей). В нашем исследовании по этой причине проблема свободы в «Легенде» специально не анализируется.

Глава 1. Парадоксы свободы в художественном мире Ф.М. Достоевского. В этой части диссертации исследуется онтология метафизического бунта и безграничной (стихийной) свободы одного из первых апологетов своеволия – подпольного антигероя. Здесь же рассматривается глубинная

связь свободы с трагедией человеческого духа. На примере одного из главных идеологов безграничной свободы прослеживается эволюция негативной нигилистической свободы, представлена сопоставительная характеристика образов Шигалева и Верховенского, вместе с тем выявляется и специфика своеволия этих персонажей.

§ 1. Саморазрушительная свобода подпольного антигероя. Исследование свободы Достоевский начинает со свободы антигероя «Записок из подполья» и вплоть до последнего романа «Братья Карамазовы» не выпускает ее из поля своего творческого зрения. Известно, что проблема свободы у Достоевского имеет глубинную связь с трагедией человеческого духа. Именно с «Записок из подполья» начинается и гениальная идейная диалектика Достоевского. Он уже не только психолог, он – метафизик, он исследует до глубины трагедию человеческого духа (А. Бем). Достоевский художественно изображает апологетов своеволия, дерзновенно подвергающих испытанию ценности и нормы в своём личном поведении (образы подпольного человека, Карпа Васильича, Баклушина).

Повествовательная ткань художественных произведений Достоевского насыщена множеством примеров различных проявлений таких крайних форм своеволия, как произвол и деспотизм – от комического, действующего по наитию «русского Тартюфа» Фомы Опискина до вссохватывающей программы деспотизма Великого инквизитора, полагающего, что не свобода нужна человеку, но «счастье слабосильных существ» и «земное устроение» человека.

Достоевский, по мнению русских религиозных мыслителей (Н Бердяева, С. Булгакова, Г. Флоровского, В. Зеньковского и др.), обличает пагубные пути своеволия и бунта подпольного человека, в действительности ведущие к ограничению его свободы и к разрушению внутреннего стержня его личности. На примере художественного образа одного из первых бунтовщиков-своевольцев Достоевский показывает трагизм бунтующего своеволия и бунтующего самоутверждения. В конечном счете, в «Записках из подполья» выражено отрицание двух крайностей – реакционной утопии и анархистской свободы. Основная сложность «Записок из подполья», на взгляд представителей русской литературно-философской критики рубежа XIX–XX вв., лежит в плоскости, имеющей непосредственное отношение к проблеме человеческой свободы.

§ 2. Нигилистическая свобода Петра Верховенского. «Дантист нигилизма», Верховенский путь к свободе пытается обрести через «свежую кровушку» Под маской демократа, эгалитариста и социалиста он совершенно

откровенно третирует всех, рассматривая людей, как шашки в шахматном ходе (С. Булгаков). В своем представлении о свободе он отходит от всякой нравственности и наделяет себя исключительным правом резать ради «общего дела» «первого встречного и поперечного», подобно находящемуся на службе поручику Жеребятникову и «решительному» Петрову в «Записках из Мертвого дома».

Процеируя внимание на известные катастрофические события XX века, Б. Вышеславцев называет Верховенского «личностью пророческой». Основопологающим в структуре художественного образа Верховенского, по Б. Вышеславцеву, является как раз его стихийное начало. Ф. Степун в Верховенском видит некий обобщающий образ определенной части русских людей – «оборотня в своем пределе, всегда провокатора, павшего ангела, то есть дьявола. <...> В русской душе есть целый ряд свойств, благодаря которым она с легкостью, быть может несвойственной другим европейским народам, становится, сама иной раз того не зная, игралцем темных оборотнически-провокаторских сил». В основе негативной свободы Верховенского (и шире – верховенских) лежит деспотизм. Для установления власти «политическому честолюбцу» необходимы преданные рабы, у которых не было бы даже права мысли о личной свободе. Один из таких рабов в романе – революционер-исполнитель Эркель.

Эволюция своеволия Верховенского не заканчивается пробуждением к осознанию собственных бессилия и греховности. Демоническая активность и иллюзия свободы Верховенского подменяют творческую активность и подлинную творческую свободу. В своих безумных намерениях этот персонаж Достоевского превращается в пустого раба темных страстей, становится орудием неуправляемых стихий, окончательно теряющим власть над собой.

§ 3. Концепция свободы Шигалева. Нигилист Шигалев делает открытие, ведущее к военной диктатуре, противоположной свободе: «Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом». Безграничная свобода и роковое раскрепощение личности в нигилизме неизбежно оборачиваются (что и демонстрирует система Шигалева) желанием свободы для одной десятой человечества и рабством для остальных девяти десятых; приходом к «арифметике» Раскольникова: сто жизней взамен одной, якобы никому не нужной. Достоевский в образе Шигалева создаст «гениальный портрет исторического гностика, который претендует на то, что безграничная свобода исходит из безграничного деспотизма тех, “которые знают”» (К. Оливье). Безграничная свобода и безграничный деспотизм весьма органично составляют суть созданной Шигалевым системы социального

устройства. Отметим, что подобная рабская по своей природе «общественная формула» исключает все возможные альтернативные общественные устройства: «У рабов должны быть правители. Полное послушание, полная безличность...». Это и есть предел свободы в предлагаемом Шигалевым обществе. В образе Шигалева Достоевский раскрывает утопические помыслы, восходящие к идее обретения всеобщего блага через власть и насилие.

Таким образом, если рассуждения подпольного парадоксалиста лишь доказывают заложенную глубоко в человеке потребность в бунте и произволу и служат подтверждением того, что свобода в человеке – это темная, непостижимая и иррациональная сила, нуждающаяся в управлении собой, то ведущей чертой, определяющей безудержную свободу «бесов», становится уже ничем не управляемый «пожар в умах», отрицающий высшую идею Бога и низводящий свободу до ее нигилистического понимания.

Глава 2. Самоубийство как проявление негативной свободы. Задача этой главы – описание и анализ своевольных самоубийств, начиная с появления этой проблемы в первом романе «Бедные люди» и до статей о проблеме самоубийства в «Дневнике писателя».

§ 1. Два типа своеволия: разврат Свидригайлова и «человекобожество» Кириллова. Для Свидригайлова разврат – не конечная цель; цель для него – упоение свободой, предельное стремление перешагнуть нравственные законы и посредством всего этого доказать свою значительность. В Свидригайлове показано онтологическое перерождение человеческой личности, гибель от безудержного сладострастия, прешедшего в безудержный разврат. Начинается разврат всегда со своеволия, с ложного самоутверждения, с замыкания в себе и нежелания знать другого.

О своем понимании свободы Свидригайлов говорит в диалоге с Раскольниковым (в подготовительных материалах к роману): «Теперь мы проистлеваемся, не стесняемся обязанностями, нас бьют по роже, и мы прячемся, исподлились – ведь это свободнее. Нигилизм в своем роде. <...> Вот захотел и застрелился». Взгляд на свободу Свидригайлова во многом скептический – свободе «подлого» состояния он противопоставляет своеволие самоубийства.

По мнению Д. Мерезковского, если бы Свидригайлов смог найти в своей жизни что-нибудь, во имя чего несомненно стоило бы отказаться от упоения дерзостью греха, т.е. во имя чего стоило бы ограничить своеволие, то он бы мог сделаться девственником и аскетом до полного отречения от жизни, до самоубийства, подобно Кириллову.

Логические теории первого идеолога безграничной свободы, подпольного антигероя, находят своего продолжателя и апологета в Кириллове из

романа «Бесы». Своеволец-самоубийца как бы вторит римскому политическому деятелю Сенеке, утверждавшему, что осудить насилие над собственной жизнью – значит закрыть дорогу свободы; тот, кто открывает своей крови выход из жил, открывает себе самому выход к свободе. И свобода Афин духовно утверждена в час своей гибели через самоубийство Демосфена, свобода Рима – через самоубийство Катона Младшего, Брута и Кассия (С. Аверинцев). Таков античный взгляд на свободу времен цезарей, и он в определенной степени есть некий архетип ведущего к самоубийству своеволия Кириллова.

Кириллов утверждает, что «бог необходим, а потому должен быть <...> Но я знаю, что его нет и не может быть». С этого утверждения начинается вся сложная метафизика рассуждений о самоубийстве автора теории «все позволено». Слова Кириллова свидетельствуют о двойственности его глубоко религиозной натуры. Парадокс героев Достоевского заключается в следующем: «Прежде всего замечательно то, что его главнейшие атеисты *не суть* (курсивом выделено автором цитаты.– ЧГ.) безусловно неверующие» (И. Лапшин) По противоречивому, но справедливому замечанию В. Зеньковского, «тайну свободы знают лишь те, кто живет в Боге (как знают ее, впрочем, и те, кто свободно противится Богу, уходит от Него), *вне отношения к Богу свобода не дана нам* (курсивом выделено автором цитаты.– ЧГ.)». И действительно, «религиозность» Кириллова – не путь к Богу, но путь от Бога к идее человекобога, и в немалой степени это связано с нигилистическим, разрушительным характером свободы этого персонажа. На исключительно религиозных мотивах самоубийства Кириллова акцентируют внимание И. Лапшин, В. Зеньковский, Ф. Степун, К. Мочульский, Н. Бердяев, С. Булгаков, Д. Мережковский, Вяч. Иванов, Антоний (Храповицкий).

Достоевский исследует в Кириллове чудовищные крайности, до которых доходит русский человек, последовательно проводя диалектику своевольного «религиозного» безбожия. Кириллов решил убить себя, чтобы открыть, как ему казалось, новую эру в жизни человечества. На деле же он совершает подмену Бога, фактически проходит стремительный путь от Бога, которого не обрел, к человекобогу.

§ 2. «Человекобожеская» гордыня Ставрогина и Смердякова. Если, по свидетельству Кириллова, его своеволие ограничено от попытки убийства другого, то пафос своеволия персонажа «Бесов» Ставрогина питается подобным преодолением внутренней скованности и бездействия. В этом существенное отличие своеволия Ставрогина от своеволия Кириллова. Но

здесь все вполне закономерно, поскольку само понятие своеволия вовсе не предполагает наличия внутренних моральных границ, оттого и диапазон совершаемых поступков в своеволии весьма широк. Поэтому своеволие у различных персонажей-самоубийц Достоевского проявляется по-разному

Гордая свобода Ставрогина, с которой он остается один на один и в которой не находит точки опоры, обнажила наряду с благородными и самые темные, низменные душевные движения. Его свобода немыслима без пренебрежения всяческими нравственными, этическими преградами. В своей свободе он не сохранил, не собрал своей личности, но лишь явил собой пример, из которого следует, что жизнь есть свобода, своего рода *liberum arbitrium* («свободное суждение»), т.е. свобода абсолютно независимого и безразличного выбора)

Ставрогин, подобно Тиберию и Нерону, показал миру, какое совершенство заключается в самом человеке: «Владыки мира, избавленные от всякого внешнего определения и стеснения, они являли собою человеческое естество в его безусловной свободе. Эта безусловная свобода оказалась безумием Мир, искавший совершенства в человеке, обоготворил самого человека и увидел в нем бешеного зверя. Ясно стало, что *совершенство человека не в нем самом* (курсивом выделено автором цитаты. – Ч.Г.)» (В. Соловьев). Герой Достоевского так и не родился к новой жизни. Он не смог освободиться от собственного зла и мерзости. Раскаяние его не удалось, его я. оказавшись за пределами нравственности, погибло в самоубийственной стихии безумия.

Типологически самоубийство Смердякова имеет те же корни, что и самоубийство прошедшего все круги ада Ставрогина. При очевидных различиях в характерах обоих можно найти и нечто общее: ни тот ни другой не способны на подлинный акт смирения и раскаяния за содеянное, не в силах преодолеть в себе гордыню и надменность. Достоевский показывает, что ни Смердяков, ни Ставрогин не могли не кончить как самоубийцы, не примирившись с миром, ни разу не полюбив никого в жизни

§ 3. Заложники совести и потенциальные своевольные самоубийцы Раскольников, Иван и Дмитрий Карамазовы. Н. Бердяев ставит в один ряд Раскольникова, Ставрогина, Кириллова в том смысле, что у них всех есть будущее, «хотя бы эмпирически они и погибли, у них есть ещё человеческая судьба» Дальнейшей человеческой судьбы нет у Смердякова, Свидригайлова, выпавших из человеческого мира в небытие

Схожесть образа Кириллова с образом Раскольникова весьма условна. Так, если Кириллов убивает себя из гордости, чтобы стать богом, то Раскольников, напротив, из той же гордости самоубийства не совершает.

Раскольников испытывает на себе отчаяние, эту «смертельную болезнь», по определению С. Кьеркегора, за которой уже больше не следует ничего, поскольку «это не просто худшее из страданий, но наша гибель». Отчаяние и плен у собственной совести наступают как раз после того, как Раскольников осуществляет своевольное право решать судьбы других людей.

Так через одну из основополагающих тем романов-трагедий Достоевского (испытание глубин человека на путях свободы) открывается более глубокая, этическая природа человека – его сердце и совесть. Если вызов Кириллова Богу и его стремление к свободе заканчиваются самоубийством, то собственная теория Раскольникова, основанная на убеждении в коренном неравенстве людей, убивает другого (как и по теории Верховенского) и едва не доводит его до самоубийства.

«Заложником» собственной совести становится и Иван Карамазов. Он испытывает отчуждение от брата Алеши по мере того, как убеждается в причастности к убийству Смердяковым отца. Нечто подобное происходит и с Дмитрием Карамазовым после того, как, убегая из дома отца, он избивает слугу Григория. Дмитрий убежден в том, что убил Григория, и потому оказывается на грани того отчаяния, которое испытывают после убийства Раскольников и Иван.

§ 4. Разрешение проблемы самоубийства героями Ф.М. Достоевского. Достоевский не только акцентировал в своем художественном творчестве и публицистике внимание на проблеме своеволия и самоубийства, но и устами своих героев пытался ответить на вопрос: возможно ли спасение от величайшего акта самоволия – самоубийства? И есть ли другая мера в подобной ситуации, кроме как спрятать «револьвер < .> под замок»? Старец Зосима из «Братьев Карамазовых» утверждает взаимосвязанность проблемы свободы и самоубийства (отметим мысль Зосимы о том, что несчастнее самоубийц «и не может быть никого») Безудержную свободу, не имеющую никаких границ в утолении собственных чувств, старец Зосима отождествляет, с одной стороны, с рабством и физическим самоубийством, с другой – с самоубийством духовным.

Своевольные персонажи-самоубийцы Достоевского, по мысли В. Соловьева, для того, чтобы не совершать последнего рокового шага, прежде всего должны «почувствовать свое бессилие и свою неволю». С В. Соловьевым соглашается Вяч. Иванов, утверждая, что «истинная воля, творческая, сверхличная, излучается только чрез прозрачную среду личного безволия». И Вяч Иванов, и В. Соловьев находят выход в том, чтобы, отказавшись от собственной воли, полностью довериться Христу.

Итак, образами своих персонажей Достоевский убедительно показывает, что самоубийство своевольца – это всегда, и без возможных исключений, утрата свободы, потеря реального отношения и к себе, и к другому, всегда болезненная одержимость одним состоянием или идеей

С одной стороны, религиозные вопросы некоторых персонажей Достоевского приводят к неразрешимым противоречиям и через них уже вѣдут к самоубийству. Но с другой, оказывается, что в художественном мире Достоевского без твердой веры в личное бессмертие невозможна спасительная любовь к ближнему. Наиболее действенным средством против величайшего человеческого греха – самоубийства, и для Достоевского, и для всей русской религиозно-философской критики рубежа XIX–XX вв. становится осуществление свободы не уединенной и изолированной от людей и Бога, но свободы в любви и братстве со всеми.

Глава 3. Идея позитивной свободы и ее художественное воплощение в произведениях писателя. В этом разделе ставится задача проанализировать некоторые «положительно прекрасные персонажи» Достоевского, воплощенные в художественных образах старца Зосимы, Алеши Карамазова, Голубова, странника Макара Ивановича Долгорукого, архиерея Тихона.

§ 1. Любовь как условие позитивной свободы для героев Ф.М. Достоевского. Любовь, которой живут Зосима, его брат Маркел, Макар, Тихон, Алеша, – любовь не абстрактная, не «любовь к человечеству вообще», но любовь индивидуальная – самый трудный, но в то же время и самый верный путь к этической свободе. Эта любовь отличается от эгоистической, своевольной любви-страсти таких персонажей, как подпольный человек, Свидригайлов, Ставрогин, Настасья Филипповна, Рогожин, Федор Павлович Карамазов и других. в которых «...любовь, и вдохновение, все, что способно освободить дух, – все <...> заражено и болезненно, и потому не освобождает» (Вяч. Иванов). В художественном мире Достоевского свобода и любовь не приходят по волшебному наитию, они требуют неустанного внутреннего труда. Кроме того, нельзя любить человека просто как человека – это означало бы полюбить человека в его данной случайности, не в его свободе. Но еще опаснее полюбить человека в его идеальном образе: здесь всегда кроется опасность «наклеветать» живому человеку его мнимый идеал, оковать выдуманной или надуманной идеей (Г. Флоровский).

В произведениях Достоевского свобода «способна» остаться свободой и не впасть в разрушительное своеволие только через любовь, но и сама любовь может существовать только в свободе. Последним в развитии сюжета этих размышлений было слово Достоевского о Церкви. В Церкви люди воин-

сгину через Христа способны стать братьями, и это братство, эта соборность, основанные на любви, имеют силы раскрыть потенциал человеческой свободы, предотвратить отчужденность, одержимость, насилие и тиранию. Именно на почве православия сохраняется, по Достоевскому, вся правда свободы, данной человеку, преодолевается ее хаос; на почве православия невозможно, не нужно «уединение», одностороннее развитие личного начала; социальные противоречия разрешаются здесь через примирение всех и всего в Церкви (В. Зеньковский).

§ 2. Самостеснительная свобода «положительно прекрасного человека». Литературные персонажи в идейно-художественных построениях Достоевского оказываются свободными тогда, когда обладают властью над самими собой, а не над другими людьми. Все попытки этического самоограничения и самосмирения, которыми живут Голубов, Макар Иванович, Алеша Карамазов, старец Зосима и некоторые другие герои, проистекают из желания быть хозяином самому себе и ведут к обретению позитивной внутренней свободы. В достижении этической свободы особую важность приобретает необходимость аскетики – неслучайное и обязательное условие внутреннего освобождения. Смысл аскетики (в православном сознании) связан вовсе не с «гнушением» телом, не с боязнью его власти, а с признанием лишь, что от греха тело пострадало более, чем дух в человеке, что необходимо дисциплинировать тело (В. Зеньковский). Аскетизм Макара Долгорукого, Зосимы, Тихона, Алеши Карамазова не отвергает мира, но зовет к выходу из плена у вещного, иллюзорного мира.

В «Записной тетради» к «Дневнику писателя» за 1876–1877 гг. Достоевский задается вопросом: «В чём свобода? В том ли, чтоб предаться всем возможным течениям или овладеть собой и своими стремлениями?». Частичный ответ на этот вопрос содержится в том же «Дневнике писателя» за 1877 год в главе «Русское решение вопроса»: «В нынешнем образе мира полагают свободу в разнузданности, тогда как настоящая свобода – лишь в одолении себя и воли своей, так чтобы под конец достигнуть такого нравственного состояния, чтоб всегда во всякий момент быть самому себе настоящим хозяином. А разнузданность желаний ведёт лишь к рабству вашему». Таким образом, достижение свободы, по Достоевскому, невозможно без оформившегося свободного самообладания.

Для «положительно прекрасных героев» Достоевского свобода человека начинается и заканчивается понятием святости человеческой личности, поэтому мистическая диалектика свободы осмысливается у них не как свобода произвола (т. е. нарушение свободы ближнего), но как свобода от произвола.

§ 3. «Сердечное веселие» и «благообразие» как характеристики внутренней, этической свободы человека. По словам Макара Ивановича, «малый человек и нуждается, хлеба нет, ребяток сохранить нечем, на вострой соломке спит, а все в нем сердце веселое, легкое; и грешит и грубит, а все сердце легкое. А большой человек опивается, объедается, на золотой куче сидит, а все в сердце у него одна тоска». «Легкость сердца» и «сердце веселое», в понимании Макара Ивановича, от «самостеснения». В контексте высказываний и поступков Макара Ивановича эти качества становятся основными характеристиками внутренней, этической свободы человека. Богатство материальное на этом пути рассматривается как непреодолимое препятствие в достижении позитивной внутренней свободы. Макар Иванович – приверженец свободы, суть которой заключена в словах: «"Поди и раздай твое богатство и стань всем слуга" И станешь богат паче прежнего в бессчетно раз; ибо не пищую только, не платьями ценными, не гордостью и не завистью счастлив будешь, а умножившеюся бессчетно любовью». Это формула свободы без «безумия расточительства», в реализации которой приобретает «сердечное веселие» и весь мир. «Веселие» сердечное – свособразная онтологическая основа личности («положительно прекрасного человека»), его «универсальная миросозерцательная форма» (М. Бахтин). Другой универсальной миросозерцательной формой является смех. «Внутреннее» веселие и выражаемый веселием смех обладают освобождающей человека силой. Наряду с универсализмом смеха, другая замечательная особенность смеха в связи с его абсолютной неофициальностью и легализованностью – неразрывная и существенная связь его со свободой (М. Бахтин). Но очевидно, что не всякий смех обладает освобождающей силой и может называться светлым и веселым.

Макар Иванович стремится все обратить к «веселию сердечному», он как будто все земное наполняет божественным. «Сердечное веселие» научило его новому созерцанию, наполняющему «и природу, и человека, и высшие предметы потустороннего мира – *любовью* (курсивом выделено автором цитаты. – Ч.Г.)». Свобода и радость жизни подобны воздуху: человек дышит воздухом, не думая о нем, и лишь когда он пропадает, человека охватывает ужас. Это же заключено в сердцах «положительно прекрасных героев» Достоевского, посвятивших свои жизни деятельной любви.

§ 4. Молитва как путь к духовной свободе героев Ф.М. Достоевского. Молитва раскрывает «самую сущность христианской жизни и поэтому важнейшего другого делания» (Еп. Варнава). Макар Иванович и Зосима словно

чувствуют сердцем священное в жизни, сосредоточиваются на божественной сущности вещей и живут этим как драгоценным и самым главным. Внутренняя жизнь Зосимы и Макара Ивановича обретает великую духовную свободу, и каждый акт своей жизни они как бы превращают в творческую молитву.

Дмитрий Карамазов после осуждения его на каторгу пытается найти спасение именно в молитве, утверждая, что жизнь возможна и «под землею», т. е. там, где, казалось бы, исключена всякая возможность жизни и свободы. Весь путь Дмитрия в романе становится неким воспитанием и восхождением к молитве, своеобразной духовной эволюцией этого персонажа Достоевского.

Для Сони Мармеладовой, Зосимы, Тихона, Макара, Алеши искренняя вера, связанная с молитвой как *causa sine qua non* («обязательное условие»), оказывается одним из наиболее действенных способов достижения внутренней свободы.

Следовательно, в идейно-художественной системе Достоевского ближе к положительной свободе оказывается не освобожденный только во внешнем (в свободе *от*), злоупотребляющий свободой и превращающий ее в совершенное внутреннее рабство персонаж, но духовно-самостоятельный герой, который «трудническим» характером приобретает внутреннюю способность созидать свой дух из «материала» своих страстей. «Положительно прекрасный герой» способен владеть собою и управлять своими страстями. Он обладает внутренней способностью творить в сфере духовного опыта, свободно, искренно и целостно пребывая в любви и свободной вере, непреходящими атрибутами которых являются духовный аскетизм и духовная радость, премудрость и благообразис, молитва с неперменным знанием внешних и внутренних границ своей свободы.

В заключении подводятся итоги исследования:

Эволюция свободы в романах Достоевского нами представлена в виде следующей схемы: *бунтующее своеволие > становление на путь зла > преступление > страдание после совершенного преступления (с осознанием собственной вины) > искупление (катарсис), обращение к вере (православию), обретение внутренней свободы или становление на путь, ведущий к внутренней свободе.*

Необходимо отметить, что выход за границы этой условной схемы на последних этапах приводит героев Достоевского к трагедии – убийству или самоубийству или к убийству, а затем самоубийству.

В ходе исследования были достигнуты следующие результаты:

1. Установлено теоретическое наполнение понятия «свобода» в текстах Достоевского. В качестве основных, но не единственных для нашей работы приняты два центральных понятия негативной и позитивной свободы. Квинтэссенция *негативной свободы (своеволия)* заключена в словах: «чем шире область чужого невмешательства, тем шире моя свобода» (И. Берлин). Для Достоевского и его интерпретаторов негативная свобода неминуемо ведет к рабству у собственной природы, рабству у собственных необузданных страстей. Достоевский показывает, как человеческое своеволие, чем бы оно ни мотивировалось, как бы оно ни осмысливалось, каким бы образом ни переживалось, в конечном счете неизбежно обращается против самого своевольца.

Свобода позитивная, подлинно духовная свобода, предполагает внутреннюю дисциплину, самоограничение, осуществление контроля над своей жизнью. Это внутренняя собранность, внутренняя форма личности, где «единственная свобода – победить себя» (Достоевский). Невозможно достижение положительной свободы без самостеснения, смирения и высокой степени самоконтроля. У Достоевского функцию самоконтроля осуществляет свободная религиозная вера.

2. Выявлены основные характеристики негативной и позитивной свободы в произведениях Достоевского, отраженные в сочинениях представителей «духовного ренессанса» рубежа XIX–XX вв. Эти характеристики целесообразно представить в виде таблицы.

3. Акцентирование внимания на проблематике свободы в художественном мире Достоевского показало, что нельзя сохранить позитивную свободу, не отказавшись от какой-то части личной свободы. Только после этого, как убедительно доказывает Достоевский, герои его произведений получают способность «возрастать» к свободе и совершенствоваться в ней. Механические ограничения («отсечение» чувств, установление границ для рассудка, упрощение проблемы совести, отказ от свободы духа) не делают человека ни свободнее, ни совершеннее. Достоевский не видит формально-внешнего разрешения этой проблемы. Для него важна свободная воля, в которой человек может (и не всегда только гипотетически) причинить вред ближнему своими поступками. По мнению Достоевского, нравственное самоосуществление индивида определяется именно его свободой и ничем другим.

4. В ходе целенаправленного исследования было обнаружено, что негативная и позитивная свобода в сюжетно-композиционной структуре романов Достоевского не существуют в изолированной друг от друга форме. Амбивалентность этих двух свобод обуславливается взаимосвязанностью и взаимозави-

<i>Свобода негативная</i>	<i>Свобода позитивная</i>
<p>Самостоятельное хотенье, метафизический бунт; мнимая бессодержательная свобода, переходящая в зло.</p> <p>Полный разгул личности; свобода как всеподчинение (В. Перверзев)</p> <p>Свобода как революционное восстание на Бога (Ф. Степун).</p> <p>Видимая сила как рабство внешности и случайности (Вл. Соловьев).</p> <p>Безмерная свобода сладострастия, лишаящая человека свободы духа (Н. Бердяев).</p> <p>Отсутствие личной ответственности в своеволии, когда произвол одного становится рабством всех (К. Мочульский)</p> <p>Эфемерная свобода в атмосфере чертовщины и необузданности, утопический радикализм (М. Бахтин).</p> <p>Самоубийство как предел своеволия (Ф. Степун, Д. Мережковский).</p> <p>Самоубийство и убийство как область абсолютной несвободы (Л. Шестов)</p>	<p>Преображение демонических стихийных сил (Б. Вышеславцев)</p> <p>Осознание того, что нельзя стать человекобогом (А. Волынский, С. Булгаков, И. Ильин и др.).</p> <p>Свобода как богоисполненное послушание истине (Христу) (Ф. Степун).</p> <p>Любовь как средство разрешения антиномии человеческой свободы, как квинтэссенция свободы (Вл. Соловьев, Вяч. Иванов, Н. Бердяев, С. Булгаков, П. Флоренский, Г. Флоровский, Е. Трубецкой, С. Франк, П. Сорокин, И. Ильин, Д. Мережковский, Е. Кузьмина-Караваева, Б. Энгельгардт, прп. Иустин (Попович), архиепископ Кирилл (Гундяев)).</p>

симостью. В художественном мире Достоевского высшая, подлинная свобода человека как самоосуществление его личности и низшая, иллюзорная свобода как бесосновная стихийность (спонтанность) не являются разнородными, независимыми друг от друга началами. Зачастую они сосуществуют хотя и в неслиянном, но и в неразделённом единстве внутреннего мира персонажа.

5. Изучение проблемы возможности обретения человеком позитивной свободы показало, что свобода вне Бога является очевидной попыткой обмануть самого себя. иллюзорно уверяя себя что свобода есть изначальная, чисто человеческая основа бытия. Писатель, по сути, образами своих пер-

сонажей доказывает, что вся тайна положительной свободы связана с тем, насколько его герои осознают свое «предстояние» пред идеалом свободы – ликом Христовым. Именно на почве православия сохраняется, по Достоевскому, вся правда свободы, преодолевается ее хаос.

**Основные положения диссертации отражены
в следующих публикациях автора:**

1. Влияние Ф.М. Достоевского на художественно-философское сознание русских религиозных мыслителей рубежа XIX–XX вв. // V Ручьевские чтения. Русская литература XX века: типы художественного сознания. Сб. материалов межвузовской научной конференции. – Магнитогорск: Изд-во МГПИ, 1998. С. 40–42.
2. Самоубийство как объект художественного осмысления Ф.М. Достоевского (точка зрения русских философов рубежа XIX–XX вв.) // Вестник Челябинского университета. Серия 2. «Филология». 1999. № 2. С. 88–100.
3. Трагедия нигилизма в «Бесах» Ф.М. Достоевского // Вестник Челябинского университета. Серия 1. «История». 2002. № 1. С. 92–95.
4. Тема свободы в «Записках из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2002. №1 (10). С.138–141.
5. Категории страдания и свободы в художественном мире Ф.М. Достоевского // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2003. № 3 (19). С.114–118.
6. Анджей Валицкий – специалист в области русской литературно-философской мысли XIX–XX вв. и исследователь творчества Ф.М. Достоевского // Традиции и новации в отечественной духовной культуре. Сб. материалов первой Южно-Уральской межвузовской научно-практической конференции. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2004. С.134–139.
7. Религиозные мотивы «своевольного эксперимента» героя романа Ф.М. Достоевского «Бесы» Кириллова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2004. №6, выпуск 3. С.126–133.
8. Некоторые аспекты категории свободы в русской культуре // Язык. Культура. Коммуникация. Материалы второй международной научной конференции. Челябинск, 2005. С.60–62.
9. Несколько слов об идее «все позволено» Павла Смердякова // Межкультурные коммуникации в современном славянском мире: Материалы юбилейной XXV международной конференции. Тверь, 2005. С.143–145.

Сдано в набор 08.10.05 г. Подписано в печать 10.10.05 г.
Формат 60×84_{1/16}. Бумага офсетная. Отпечатано на ризографе.
Усл.-печ. л. 1,05. тираж 100 экз. Заказ № 206.
Издательство «Цицеро», 454080, Свердловский пр., 60.
Отпечатано в типографии «Фотохудожник» 454091,
г. Челябинск, ул. Свободы, 155-1.

РНБ Русский фонд

2006-4
34897

1 ЯНВ 2006